

Вечер у Панашкина. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Вечер у Панашкина. Максим Горький

Насытись вкусной духовной пищей у Шамова,- в воскресенье, вечером, я иду к Панашкину; у него тоже поучительно.

Панашкин торгует на балчуге старой рухлядью - обломками, обносками. Ему за пятьдесят лет, он болен чахоткой. Руки у него беспокойные, длинные, ноги - тонкие, шея искривлена, и на ней тревожно болтается маленькая головка с рыжими бровями ужа. Он похож на выдернутый из земли сухой корень. Сморщенная кожа его щек поросла кустиками волос мочального цвета. Фигура очень унылая, а глаза - веселые, точно Панашкин всегда видит перед собой что-то неожиданно приятное и внутренне восклицает:

"Вот так штука!"

Очень любит смеяться тихим, слезно всхлипывающим смехом и, так как жизнь не удалась ему, любит философствовать.

- Всякий человек, каков он ни есть, должен есть,- вот те и вся премудрость!
Значится: разумеете языцы и покоряйтесь! - говорит он.- В этом - и математика...

- Один умный человек сказал: "Любовь и голод правят миром",- вспоминаю я.

- Это - Дюма, что ли?

Дюма-отец - для Панашкина величайший ум. Дмитрий Павлович прочитал все его романы по два и по три раза. А когда я уговорил его прочитать "Записки охотника",- он возвратил мне книгу, недоуменно посмеиваясь и говоря:

- Чего тебе тут нравится? Это, брат, неинтересно, как настоящая жизнь...

Настоящая жизнь обращалась с ним капризно и неласково: двенадцати лет, после смерти отца, пьяного чиновника казенной палаты, Панашкин поступил мальчиком к нотариусу, через два года перешел в табачный магазин, потом стал парикмахером, двадцати лет решил уйти в монахи, года три шлялся по монастырям, наконец свел из одного монастыря послушницу и воротился с нею на родину. Захлебываясь плачевным смехом, бессильно взмахивая локтями, точно недорезанный петух, он рассказывал:

- Пять лет жил я с нею незаконным браком, но - в сияющей любви. Это был даже не человек, а - хрусталь необыкновенной прозрачности. Умирала взяла меня за руку.- шепчет: "Митя, добрый друг, спасибо же тебе, завяла бы я без твоей любви, как без солнца цветов". Это она, видите ли, потому, что была старше меня на двенадцать лет, да и миловидностью не отличалась, ряба, курноса и... вообще... Однако душа у нее была-воистину - цветок! Замечательная душа! А красота - не для всех закон. Всякая женщина любви достойна; женщина, брат, самое лучшее божье сочинение...

Когда он говорил о жене, о женщинах, о любви,- его веселые глаза становились грустно-серьезны, а веки краснели, набухая. Раза два-три он даже бесстыдно плакал, вспоминая жену; говорит, а из глаз бегут одна за другой мелкие, желтоватые слезы.

Жена оставила ему дочь, и с той поры Панашкин, по его словам, бегал вдоль и поперек жизни туда-сюда.

- Всё, брат, искал случая приспособиться к делу, чтобы воспитать дочонку, однако-случая не нашел...

Рассказывал он мне свою жизнь июльской ночью, в лесу, на поляне, под одинокой сосной,- я шел с ним на богомолье, отдыха ради. Он сидел, прислонясь спиной к медному стволу сосны, раздвинув длинные ноги, точно ножницы; перед ним на маленьком костре закипала вода в походном чайнике. Было душно, собиралась гроза. Меня, в ту пору, очень интересовали кроткие, много и бесполезно думающие русские люди,- нравилось мне, что они не в ладу с жизнью.

Вечер у Панашкина. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru

- Человек я мягкий, - ну, меня и протирали сквозь сито, - сказывал Панашкин, посмеиваясь. - Сдал экзамен на сельского учителя. - оказался неспособен к делу: играть с детишками могу, а учить - не умею! Нанялся к татарину яйца скупать по деревням, татарин меня в Швецию отправил для расширения дела; приехал я в Петербург, а в гостинице, где мне случилось остановиться, офицер со штатским поспорил, начал стрелять из пистолета да и закатил мне пульку в бок. Пролежал я в больнице полтора месяца, а у раненого у меня татаринины - то деньги и вытащили! Воротился к своему месту хватать, - ан татарин в одночасье помер! Я - к наследникам: так и так, говорю, пропали ваши деньги. А они - хороший народ! - ничего, говорят, не беда! Замечательно! Поступил в окружный суд регистратором, - у меня документ важный украли. Незадача! Из суда - под суд... Оправдали, но прокурор сказал мне: "Вы - ротозей!" Есть это у меня и по сей день: вдруг задумаюсь неизвестно о чем, и никаких возгласов не слышу, ничего не понимаю...

- А - о чем думы?

- Да так, знаешь... пустяки все, вообще, - ответил он, глядя в огонь. Думаешь, примерно: неужели и завтра ничего не случится, всё то же будет? Глупые мысли. Ждать нечего, архиереем не сделают. Так вот и верчусь всю жизнь, словно заколованный и окаянный. Всё пробовал, даже за укрывательство краденого судился и полгода в тюрьме сидел. Оправдали. За вольномыслие в трактире арестован был на девяносто два дня. Жандарм спрашивает: "Говорил ты, Панашкин, эти самые слова?" А я - забыл какие! "Ваше благородие, говорю, извините дерзость, но - чего же я не могу сказать при моей столь запутанной жизни?" И рассказал ему всю жизнь. Он - добрый человек, - согласился: "Да, говорит, жизнь у вас безрадостна. Считаю вас свободным". - "Покорнейше благодарю, отвечаю, но собака, которая на цепи сидит, больше моего свободна, потому что она при своем месте". - "Что же, говорит, делать. Такова жизнь!" - "Так точно, говорю, живем для украшения земли несчастьями!" Смеется он.

Рассказывая, Панашкин часто спотыкался на словах и, закрыв глаза, молчал секунду-две. Казалось, он скрывает многое испытанное им, как скрывают дурную болезнь. Я заметил, что о приятном он говорит многословно, а дурное и тяжелое старается обождать скорее. Это очень понравилось мне.

- Чего вы искали? - спросил я.

Он удивленно поглядел на меня сквозь синий дымок костра.

- Как это - чего? Чего все ищут, - сытости, покоя... принадлежности к чему-нибудь. Человек должен принадлежать туда или сюда. Была жива Капочка, то есть жена, я осязал себя ей принадлежащим, а после нее - ничего не нашлось. Конечно, - птица небесная не жнет, не сеет, так ведь она - летать умеет, одежда у нес - на всю жизнь, сапог не требуется...

Очень понравился мне Панашкин в эту ночь, и с того началась наша добрая дружба. Он живет на окраине города, в слободе, над крутым съездом к Волге, в маленькой пристройке, подпирающей бок старого, споткнувшегося дома, хозяином которого является лавочник Брундуков. Дом - в два окна, посреди их истоптанное, покосившееся крыльцо-вход в бакалейную лавку; над крыльцом нахлобучена мохнатая крыша. Стекла окон зацвели на солнце, засижены мухами, на одном окне - банки с монпансье, пряниками и другими соблазнами, в другом - торчит голова дочери Панашкина.

А на ступеньках крыльца идилом сидит сам Брундуков, по глаза налитый жиром, квасом, чаем. Он выпаривает себя на солнце и думает о разных премудростях. Его рыжие глазки смотрят вниз по съезду на синеватый кусок реки, следят, как по атласу воды снуют лодки, плывут белые пароходы, тащатся баржи.

Я и Панашкин помещаемся у ног его; мой друг ушивает какую-то рухлядь; на его сером носу большие очки. Праздник. На слободе тихо и пустынно, людишки отдыхают пред вечерним чаем. Дочь Панашкина тоненьким голоском поет:

Люблю ять...

- А еры - не любишь? - спрашивает отец, покашливая.

- Отстаньте, папаша...

Люблю я т-тебя бесконечно-о...

- Дурочка бесконечная! Ты лучше упражняйся в добродетели, а любовью себя не беспокой...

- Ах, да убирайтесь вы, папаша!

Дочери Панашкина уже под тридцать лет. Она желтая, рыхлая, как творог. Правый глаз у нее погашен бельмом, левый бесстыдно любопытен. Когда она спит - ее большое лицо наливается синеватой кровью, а открытый глаз похож на слепое, зловещее око совы. Лиза шьет на базар ситцевые рубахи, тиковые подштанники и мечтает о страстном романе с военным, не ниже поручика. Она тоже прочитала всего Дюма, но лучшей книгой в мире ей кажется "Новейший, самый полный песенник". Романа у нее не было и нет, а пока ее телом пользуется Брундуков - от скуки, а может быть, из милосердия к уродливой девице.

- Н-да,- говорит Панашкин, толкая меня в бок острым локтем,- вот тоже любовь,- сколько люди бьются около нее, да - как!

- А как? - интересуется Брундуков, раздергивая склеенные чем-то волосы седой бороды.

Небеса на западе в крови и огне. Проедет извозчик - дорожная пыль встает с земли красным облаком.

- А - вот так, что даже до смерти!

- Это - глупость...

- Нисколько не глупость, но - самое обыкновенное... Дружок мой парикмахер Мозжухин - в еврейку влюбился...

- Парикмахеры народ бессмысленный, они всегда либо картежники, либо еще что-нибудь...

- Конечно,- еврейка тут ни при чем, все едино - женщина, любовь с верою не считается.

- Это - плохо...

- Да, нехорошо вышло: утопился он...

- Парикмахер?

- Ну да...

- Болван.

Оборвав песнь о бесконечной любви, Лиза задумчиво тянет:

Там, где море вечно плещет

Н-на гранитные скалы...

И спрашивает меня:

- Максимыч,- есть какая-нибудь разница между морем и океаном?

Я отвечаю:

- В океане рыба крупней.

Я не люблю эту девицу, и мне неприятно разговаривать с нею,- се живой глаз всегда скрывает какую-то липкую усмешку, от этой усмешки неловко, как от зазорного слова.

Панашкин скоблит ногтем свой длинный нос, расшитый красными жилками, и

Вечер у Панашкина. Максим Горький gorkiy.mos.ru рассказывает, не интересуясь, слушают ли его:

- Была она вдовая, торговала вразнос чернилами да ваксой,- сама составляла... Лет тридцати женщина, и ничего особенного,- так себе: обыкновенная еврейка...

- Они все на одно лицо,- уверенно говорит Брундуков и вдруг спрашивает сам себя: - Почему это табак курить не выучился я?

- А его звали Пантелеймон, и в ту пору было ему лет... двадцать пять, что ли...

- А ты - ври без счета.

- Да,- вздыхает Панашкин,- это верно сказано: "Топор не рубит наточишь, баба не любит - делан, что хочешь"...

- Глупость...

- Хорошая женщина, однако. Они через меня разговор вели. Говорит она мне: "Слушайте, Митя,- меня все Митей звали,- это, говорит, невозможное! Скажите, говорит, ему, что жалею его, как брата, ну, а больше ничего не может быть!" Я ему сказал, а он в ту же ночь и утопился.

- Всё это - от безделья, от воображения,- упрямо твердит Брундуков, видимо, обиженный невниманием Панашкина к нему.

Отославшись после праздничного отдыха и выпивки, вылезают из маленьких конурок своих слобожане-девицы и молодухи, пестрые, точно пряники, боголюбивые, злые старушки и старички. Смотрят вниз на Волгу из-под ладони заспанные речные вору, лодочники и рыбаки, в лугах-яркая заря; небо, расписанное жирными пятнами золота и багрянца, оскорбительно великолепно по сравнению с темными растрепанными людьми. Где-то, в саду, хнычет гармоника, и хриплый, но задорный голос слободской прелестницы Соньки Сапожниковой чеканит плясовую, назло всем степенным людям.

Позабыла я, как батюшку зовут,

Позабыла имя матушкино,

Помню только мило имячко одно

За-абавушка Егорушко!

К лавке подходит глухой старик Монахов, распутник и ростовщик.

- Гуляешь, дедушка Василий? - орет Брундуков, а ростовщик, удивленно подняв колючие брови, спрашивает недоверчиво:

- За што - спасибо?

- Я говорю - Василий!

- О!.. Дай-кось табачку...

- Вот погляди на него,- говорит мне Панашкин.- Пришла к нему девчонка-подросток заклад выкупать, а он ее неистово истерзал всю. За что? Сам не может объяснить. Язык, говорит, показала. Не понимаю злобы человеческой.

- Папаша,- тоном королевы приказывает Лиза,- возьмите в лавке бутылку кислых шей и подайте мне в окно.

- Умирает? - спрашивает лавочник старушку, похожую на крысу.

Она отвечает ему тоном ниже:

- Умирает.

- Умрет - легче тебе станет.

Вечер у Панашкина. Максим Горький gorkiytext.ru

- И ему, поди, легче.
- Очень просто всё,- говорит Панашкин, покашливая.- Просто, как кирпич...

А Брундуков, провожая покупательницу, спрашивает:

- Мишка-то - сидит?
- Сидит, пес.
- Для него - тюрьмы не жалко...

Темнеют сады, возвышаясь над забором густою тучей, в небе догорают красные клочья облаков; мягче звуки, тише, задумчивее жизнь. Внизу, на берегу реки, тает шум дневной работы, с поля плывет осенняя грусть, наполняя сердце странными желаниями. Хочется спросить кого-то, спросить гневно: "Зачем все это? Кто смеется над людьми, искажая их?" Хочется сгореть от какого-то невыносимого, мучительного стыда. И становится еще тяжелее, когда вспомнишь вечера у Шамова...

К лавке один за другим подходят слобожане, привыкшие в праздничные вечера слушать мудрость Брундукова. Против крыльца на земле растянулся слободской вор и гуляка Ровягин, добрый, всеми любимый парень. Ему лет тридцать, но он кажется юншей,- такой стройный, свежий, кудрявый; глаза у него ясные и глупые, точно у ребенка,

- В Америке,- рассказывает Брундуков,- даже машина для занятых людей есть особая - пищу жует! Там - так работают, что и есть некогда; положат в машину всякой пищи, а она - жует.
- Вот - черти! - изумляется Ровягин, покуривая щегольскую трубку.
- А от машины везде резиновые трубки проведены, взял трубку, пососал, и - готово! - сыт! Публика смеется. Верят? Кажется, верят.

Только Ровягин спрашивает:

- Поди - не скудно?
- Там на то не глядят. Там повара по десять тысяч в год получают! Казенные повара.., Панашкин говорит мне вполголоса:
- Опровергни ты его, пожалуйста!

А лавочник рассказывает, точно читая невидимую книгу:

- Американский ученый Фукот даже землю взвесил,- тридцать два миллиона пуд потянула земля! Надул воздушный шар, агромадной величины, окружил землю цепями и поднял, а она качается, вроде маятника...

Свисток парохода заглушает голос мудреца, а мне все вспоминаются вечера у Шамова. Там люди играют знаниями, точно ловкие дети мячами. Истины там отменно хороши - такие круглые, ясные, без устрашающих фантазий Брундукова, вроде жевательной машины. Там люди - гордо, как павлины, распускают пестрые хвосты своих знаний.

А здесь они облепили крыльцо лавки, точно тараканы корку хлеба- стоят, сидят, лежат и жадно, молча питаются странной чепухой Брундукова, человека, который обладает чудесным свойством украшать всякую истину ослиными ушами,

- А бог в Америке называется Озарис...

Подталкиваемый Панашкиным, я начинаю опровергать:

- Не Озарис, а - Озирис, и это не в Америке, а - в Африке, в Египте...
- Чего? - иронически прищурясь, спрашивает Брундуков.

Я повторяю, он прерывает меня:

Вечер у Панашкина. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Стой! Первое-в Египте живут ефиопы, и бога у них пет! Это-раз! Второе - Озирис - слово без смысла, а - Озарис значит - сияй! Это - два! И третье - тебе рано поправлять меня, господин ни то ни се! Ты "Ниву" читал?

- Позвольте,- говорю я, но Брундуков не терпит, когда сомневаются в его знаниях, не доверяют его мудрости,- в этих случаях он иронически прищуривает рыжие глаза и, пронзая невера двумя острыми иголочками, истязует его пусторечием:

- Ты ефиопскую историю знаешь? Так я тебе скажу, что сами ефиопы языка своего не понимают, потому что у них было несколько языков, как у магометанских татар...

- Всякое сословие врет по-своему,- неожиданно вставляет Панашкин, и его слова очень веселят публику.

Но я уничтожен, а Брундуков торжествует, и снова тянутся его слова:

- Египет действительно был, но разрушен Бонапартом.

- Так-то,- тихонько говорит Панашкин,- у всякого свое умосклонение: один бредит Америкой, другой - неизвестно чем, а каждому хочется сладенького; хоть патоки, лишь бы - все-таки!

По заходе солнца Панашкин кашляет чаще и злее; он зябнет, кутается в поддевку, потертую на швах и украшенную заплатами.

Я спрашиваю его:

- А вы о чем мечтаете?

Он медленно распускает сухие губы в улыбку.

- Было бы у меня три пятиалтынных, пошел бы я в трактир, заказал бы рыблю селянку на сковородке, с перчиком да с лучком, а потом бы - пивка, эх!

- Больше ничего?

- А чего же еще на три-то пятиалтынных?

- Ну, а - кроме этого, вообще,- ничего не хочется?

Подумав немного, он отвечает спокойно:

- Поздно мне хотеть, умру скоро... Да, брат, умру!

Я молчу. Неловко мне. И не верится, что человек, прожив больше половины столетия в разной трудной работе, много испытав, умея любить и думать,- этот добрый и кроткий человек не нажил никаких желаний, освещающих жизнь, а только вот селянки с перцем хочет...

В окне, точно в раме, торчит большое лицо с опаловым глазом. Лениво двигая вялыми губами, Лиза лепечет:

- Скоро месяц взойдет,- какая прекрасная ночь для прогулки в лес...

- А рожают они ежегодно двойни,- поучает Брундуков.

Публика расплзлась; перед лавочником только Ровягин, задумчивый, как баран.

Становится темно, с востока наплзает черная туча. Звезды в небе точно шляпки медных гвоздей,- это оттого, что воздух влажен. В соде реки трепещут красные факелы - отражения огней берега и судов.

- А между прочим, для чего дастся нам жизнь? - спрашивает Панашкин и отвечает сам себе; - Чёрт знает для чего, если подумаешь...

Меня занимает другой вопрос: кому нужна, кого веселит эта злая карикатура на жизнь?

Вечер у Панашкина. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Ночуй у меня! - предлагает Панашкин.

- Спасибо, я иду гулять...

- Ну, валяй, иди, бродяга...

Молча прощаюсь с лавочником.

Готовясь запереть лавку, Брундуков стоит на крыльце, почесывая шею, и спрашивает сам себя:

- Отчего это у меня зубы давно не болят?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!